

DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.073

УДК 821.161.1-3 Водолазкин + 81:1

Н. А. Купина

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА:
РОМАН «АВИАТОР»***

В статье анализируется текст романа Евгения Водолазкина «Авиатор» (2016). В центре внимания писателя, отстаивающего «принцип личности», — внутренний мир человека в контексте времени. Целевая установка исследования связана с интерпретацией лингвистической философии автора романа. Используемая в работе процедура лингвоаксиологического анализа позволила сформулировать определенные выводы. Установлено, что инструментами философского осмысления ключевой проблемы соотношения личности, биографического и исторического времени являются *слово, беседа, фраза*. Слово, в трактовке писателя, функционирует как аксиологически маркированный знак времени, обнаруживает определенное влияние времени на человека, позволяет разработать личный лексикон и на его основе оценить не только события собственной жизни, но и события исторические, революционные. В ходе анализа охарактеризованы приметы поэтики диалогичности, которая ярко проявляется в философском осмыслении феномена доверительной беседы, позволяющей каждому из собеседников вербализовать независимую мировоззренческую позицию. Утверждение идеи самодостаточности личности проявляется в аналитическом отношении к абсолютным истинам, передаваемым расхожими формульными выражениями — *фразами*. В тексте романа раскрывается пагубное влияние на человека революционных идеологических догм. Незыблемыми оказываются вечные истины, закрепленные в Священном Писании. Афористические высказывания, опирающиеся на аксиологический опыт носителя национальной культуры, поддерживают человекоцентричность лингвистической философии Евгения Водолазкина.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аксиологическая маркированность; беседа; время; вымысел; лингвистическая философия; личность; поэтика диалогичности; слово; фраза.

Роман Евгения Водолазкина «Авиатор» (2016) вышел в свет в серии «Новая русская классика». Классическая традиция проявляется прежде всего в том, что в тексте романа сохраняется «философии прочный каркас» [Русская поэтическая речь — 2016, с. 265]. В центре внимания автора, отстаивающего ключевой для русской ментальности «принцип личности» [Бердяев, с. 271], — человек, его внутренний мир в контексте времени. В интервью «Российской газете» писатель поясняет свою позицию: «Субъектом нравственности не может быть ни народ,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-04-00239/17-ОГОН «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

ни государство, ни социальная группа. Субъектом нравственности может быть только человек» [Тема с писателем Евгением Водолазкиным, с. 9].

Герой романа Иннокентий Платонов — *ровесник века*¹: родился в 1900 г. Его биография «строится на таких исключительных событиях и положениях, каких нет в типической, нормальной, обычной биографии человека» [Бахтин, с. 192]. По мере импульсивного развития жизнеописания складывается хронология последнего: *благословенные годы детства*, учеба в гимназии, Первая мировая война и революция (*с 1905 по 1923-й... в Питере*); затем — испытание лагерем (*с 1923 по 1932 — на Соловках*, с. 307); в 1932 г. он был *заморожен* и до 1999 г. пролежал в *ледяном термосе* (с. 305). Реальное биографическое время героя на долгие годы прерывается. Образуется *дыра во времени*, объясняющаяся искусственным приостановлением жизненного процесса. После *разморозки* Иннокентий пытается восстановить в памяти ушедшее прошлое.

Читатель узнает, что, по распоряжению властей и личному приказу Сталина, *проблемами замораживания* поручили заниматься *группе академика Муромцева* (с. 125). За отказ заморозить тело Дзержинского группа в полном составе была отправлена из Ленинграда на Соловки, где *существовало несколько лабораторий, о которых ничего в точности не было известно <...> но люди одной из них именовались в лагере лазарями* (с. 207). Существительное лица формально дублирует аббревиатуру, смысл которой разъясняет бывшему узнику Соловков доктор Гейгер: «ЛАЗАРЬ» — «*Лаборатория по замораживанию и регенерации*» (Там же). *Лазарями* называли также заключенных, которые добровольно соглашались стать экспериментальным материалом для заморозки. Технология замораживания, формула этого *гениального открытия* не сохранились. *Зная особенности нашей страны*, — иронизирует доктор Гейгер, — *проще удивиться, что хоть что-нибудь сохранилось* (с. 116). В данном случае вымысел и суровая действительность причудливо соединяются.

Русский язык XXI столетия сохранил пришедшее из тюремного жаргона слово *шарашка* в значении, отражающем насильственный вектор развития советской науки. *Шарашкой* называли «конструкторское бюро тюремного режима, в котором ученые, конструкторы, инженеры работали над решением военных и промышленных проблем» [Склярская, с. 1077]. Об одной из «самых ранних шарашек» на Соловках пишет А. И. Солженицын [1989, с. 85]. Вымышленная лаборатория академика Муромцева (ср. общеязыковые сочетания *шарашка Королева*, *шарашка Туполева*) вписывается в разработанные советскими властями технологии принудительного использования «под заказ» идей и методов выдающихся ученых в лагерных условиях.

Муромцев считал сон формой жизни, поэтому он замораживал *лазарей* во сне, надеясь на прощение Божье. Личностный выбор — важная грань человекоцентрического мировоззрения. Иннокентий вспоминает: *Узнав, что я верующий,*

¹ Извлечения из текста романа с сохранением графических выделений передаются светлым курсивом. Номера страниц указываются в круглых скобках.

академик сказал мне, что согласие на заморозку с моей стороны — не самоубийство. <...>

— Если решите стать лазарем, проживете пару-тройку месяцев в полном комфорте <...> Впрочем, выбор за вами.

И я его сделал. Я стал лазарем (с. 216). Желание замерзнуть посещало узника и до попадания в лабораторию Муромцева: *В иные дни на острове мне и самому хотелось замерзнуть. Сесть под дерево и забыться. Вспоминал тогда Лермонтова: забыться и заснуть...* (с. 111).

В тексте формируются антитетические пары: *заморозить — разморозить, замораживание — размораживание, заморозка — разморозка, замороженный — размороженный*. Добровольное погружение в жидкий азот, в ледяной сон, в ледяной плен, во мрак, в царство абсолютного нуля воспринимается лазарями как избавление от насилия и унижений. В размороженном сознании Иннокентия постепенно складывается снимающая омонимию аналогия: *лазарь* — воскрешенный Господом *Лазарь*. Чудо *разморозки*, как и чудо *воскрешения*, охвачено модальностью тайны.

Процедура *размораживания* была осуществлена доктором Гейгером в родном городе Иннокентия Платонова. Задача Гейгера — активизировать атрофированные клетки мозга пациента, включить его в текущую жизнь:

— Доктор, сейчас девяносто девятый год? Или девяносто восьмой?

— Девяносто девятый. <...>

— Тогда скажите мне, что сейчас в России. Хотя бы в общих чертах.

<...>

— Диктатура сменилась хаосом. Воруют, как никогда прежде. У власти человек, злоупотребляющий алкоголем. Это в общих чертах (с. 57).

Антитеза *диктатура* — *хаос* выступает как средство диагностики времени в его динамике.

Между доктором и пациентом устанавливаются доверительные отношения — *прежде всего человеческие, а уж потом врачебные* (с. 231). По совету доктора Иннокентий начинает вести записи, чтобы восстановить память, найти *дорогу к прошлому* и вписаться в настоящее. Записи стимулируют «внутренний диалог с самим собою» [Бахтин, с. 185], позволяющий герою ответить на вопрос *кто я?* Записи вскрывают также концептуальную значимость внутреннего «полемического взаимодействия с другими» [Там же] и морально-эстетическую значимость согласного (гармонического) диалога с близкими по духу. Поэтика диалогичности характеризует текст романа как идейно-художественное целое.

Самоидентификация непосредственно связана с пониманием собственного я, включенного в историческое время: *Я пытаюсь приблизиться к прошлому разными путями, чтобы понять, что оно такое. Что-то отдельное от меня или проживаемое мной до сих пор?* (с. 349) Субъективная точка зрения постепенно укрупняется: *Думая сейчас о моей разморозке, я... спрашиваю себя: не стала ли она воскрешением целого поколения? Ведь любая деталь, которую я сейчас припоминаю, автоматически становится деталью эпохи.* <...> *Может, как раз*

для того я воскрешен, чтобы все мы еще раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил (с. 279).

Метафора «замороженное поколение» приобретает особую значимость в 2017 г.: юбилейная дата активизировала размышления россиян о победившей революции, которая сформировала идеологию «симулятивной коллективности» [Гиренок, с. 22], подавляющую персонализм как категорию нравственности: *...это время — мое время, я несу и за него ответственность* (с. 380). Записи Иннокентия, а затем (по предложению Гейгера) *совместные писания — это... попытка передать опыт потомкам* (с. 378), доказать необходимость концептуального анализа уроков истории. Осознавая неминуемое завершение срока разморозки, Платонов решает продолжать записи, которые адресует неродившейся дочери: *И мои страницы будут сопровождать ее по жизни <...> Описания должны касаться чего-то такого, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда* (с. 336).

Память сердца оказывается неразрывно связанной с фактографическим наполнением жизнеописания, развивающегося на основе интерпретации отдельного слова, беседы, фразы как инструментов философского осмысления проблемы соотношения личности, бытийного и исторического времени.

Водолазкина волнует тема консервации, «сохранения мира в слове» [Юзефович]: оно является *той ниточкой, за которую когда-нибудь удастся вытащить всё, что было* (с. 26). Слово маркирует время, позволяет составить зримые представления о человеческих бедах и радостях. Например, внутритекстовая парадигма слов и словосочетаний содержит номинации, обозначающие и характеризующие жизненный уклад в первые послереволюционные годы: *Петросовет, коммунальная квартира, уплотнение, дали комнату, трудовые карточки, продовольственные карточки (сахарные, хлебные), очередь, долгие часы за керосином*.

Еще в 1936 г. «Толковый словарь русского языка» сопровождал пометами *нов. офиц.* слово *карточка* в значении «бланк... для получения... нормированных продуктов или товаров» [ТСУ, т. 1, с. 1327]. Официальная распределительная система была разработана советской властью после революции и использовалась в разные временные периоды в зависимости от существовавшего дефицита. Особенности реального презентивного времени в тексте романа отражает конкретизация устойчивого предложно-падежного сочетания *по трудовой карточке*: *По трудовой карточке я приобрел себе калоши* (с. 200). Приведенное высказывание не только фиксирует тотальное отсутствие в Петрограде необходимого, но и потенциально передает проникнутые революционным духом идеологические установки («Кто не работает, тот не ест», «Каждому по труду»), определяющие вектор трансформации концепта «справедливость» в условиях казарменного социализма. Сохранившийся в общественном сознании культурно-специфический смысл сочетания *по карточке* отражает трудности человеческого бытия. В границах продленного постреволюционного времени эти трудности характеризовались разной степенью интенсивности.

Лагерный лексикон свидетельствует об утрате человеческого, которое выколачивают *недочеловеки*: *Вертухай входит, он с палкой. Бьет — по голове, по плечам. Ты скатываешься с лавки и с дикими воплями бьешься об пол головой. И, кажется, отделяешься от измученного тела. От звериного крика. Ты ли это кричишь? <...> Ты больше не человек <...>* (с. 202). Слово помогает заклеить зверства и насилие. Люди, живущие в XXI веке, не вправе забывать даже самое страшное слово, ибо оно способно *описать неопишное* (с. 251), *вскрыть причины расчеловечивания многих туда [в лагерь] попавших* (с. 161). Вот одно из таких слов, *выжигающее изнутри* (с. 250), передающее противоречивость наведенных ситуацией эмоционально-эстетических приращений: прекрасное трансформируется в безобразное, а сама трансформация мотивирует формирование трагического: *На острове снег, бывало, до полугода лежал... Я видел тех, кого находили весной, — их называли **подснежниками** — с выклеванными глазами, обгрызенными ушами. Чтобы, думалось, даже мертвым им больше не видеть конвоя, не слышать его матерной ругани* (с. 75).

Размороженное сознание Платонова с трудом осваивает новую речевую среду. Вот как он отвечает на вопрос журналиста:

- *В чем вы видите разницу между тем временем и этим?*
- *Я думаю, слова изменились, вот что главное* (с. 161).

С недоумением воспринимаются многочисленные переименования: *...улицу переименовали, как-то убого обозначили. Зачем?* (с. 30)

Отторжение вызывает новая орфография: *...старая орфография не сравнится с новой, потому что в ней есть душа. И Золотой век нашей литературы связан именно с нею* (с. 192). Ирония пронизывает отдельные комментарии: *Гейгер сообщил мне, что сейчас «Оредеж» мужского рода и без мягкого знака.*

- *Что, — спрашиваю, — река пол сменила?* (с. 49)

Метаязыковые комментарии [см.: Вепрева, с. 27] сопровождают расположенные на оси времени слова, близкие по значению: *На телевидении меня... гримировали <...> распыляли на волосы лак из железной банки. В мое время это называли пульверизатором, а сейчас — спреем. Спрей, конечно, короче. В английском много таких словечек — маленьких, звонких, как шарик для пинг-понга, — удобных, в общем, и экономных. Только вот раньше на речи не экономили* (с. 139).

Ментально чуждой оказывается манера речевого поведения, косвенно характеризующая новые ценностные предпочтения: *...я смотрел телевизор — то, что здесь по-английски называют talk-show. Все друг друга перебивают. Интонации склочные и малокультурные, пошлость невыносимая. Неужели это мои новые современники?* (с. 83–84). Непосредственные наблюдения мотивируют метафорическое суждение: *По-моему, в нынешней жизни слишком много шоу* (с. 92).

Платонова возмущает экспансия массовой культуры и связанная с ней девальвация слова: *Как можно тратить бесценные слова на телесериалы, на эти убогие шоу, на рекламу? Слова должны идти на описание жизни. На выражение того, что еще не выражено...* (с. 341). Автор записей словно «испытывает слова чужого языка», доверяя лишь «словам своего личного языка» [Гаспаров, с. 99],

в особенности тем, за которыми стоят картины детства и юности: *...мы оказались в Алуште — точно, в 1911 году* (с. 136) <...> *Я произношу про себя слово «Алушта» и открываю совершенно новые его качества. Какое мокрое и блестящее слово — просто арбуз на солнце. Алушта...* (с. 137); *В Сиверской было место, которое называлось Жаркие страны. В этих местах все было красным, и, кстати, красный конь Петрова-Водкина родом именно отсюда* (с. 69).

Ядро личного лексикона — аксиологически маркированное слово *авиатор*, передающее возвышенную мечту о свободном полете: *Ну, конечно, была и мечта о небе* <...> *Все мы здесь как бы придавлены, вот оно что. А в небе — там всё по-другому* (с. 154–155). В индивидуальном языковом сознании значение слова приобретает специфические коннотации: *Меня заворожило само слово — авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. Это было прекрасное слово. Позднее появился «летчик», которого будто бы придумал Хлебников. Слово неплохое, но какое-то кучье: есть в нем что-то от воробья. А авиатор — это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я* (с. 92). Картина взлета аэроплана вопреки препятствиям, которую одиннадцатилетний Иннокентий наблюдал вместе с отцом на Комендантском аэродроме, стала символом надлежащего течения жизни (с. 345), а само слово — символом заветной мечты.

В речевом мире героя выделяются слова, которые обладают благозвучием как особой эстетической ценностью. Обертоны прекрасного скрыты в имени любимой: *Анастасия. Удивительное имя — полногласное и нежное одновременно, три «а», два «с»* (с. 54); *...Мне очень нравилось ее полное имя, и я всякий раз произносил с наслаждением: Анастасия* (с. 59); *И оттого лишь, что произносил ее имя, становилось легко* (с. 60).

Анализируя феномен русского, Д. С. Лихачев, в частности, пишет: «Имя как признак индивидуальности, неповторимости играет огромную роль в привязанности к чему бы то ни было и к кому бы то ни было» [Лихачев, с. 40]. Это глубокое замечание позволяет понять искреннее возмущение героя романа, вызванное фактом обозначения одним и тем же онимом жертвы (профессор Воронин) и палача-чекиста: *Не знаю, как так случается, что одним и тем же именем могут обозначаться полные противоположности. Был на острове чекист, мерзавец, каких свет не видел, — так вот, его фамилия была Воронин. Как это? Почему? Или нет никакой закономерности в имени?* (с. 162)

Нравственная оценка отсутствия координации между планом выражения и планом содержания номинации сочетается с оценкой философской. Последняя формируется на основе «других» точек зрения, включенных в состав диалогаспора: *Спорили с Гейгером... <...> Большевиков сейчас называют «кучкой заговорщиков». А как же «кучка заговорщиков» смогла свалить тысячелетнюю империю? Значит, большевизм по отношению к нам — не что-то внешнее. Дихотомия большевики — кучка заговорщиков заставляет задуматься над природой большевизма, осмыслить факт массовой поддержки Октябрьской революции: Вот Гейгер не верит в коллективное движение к гибели, не видит для него рациональных*

причин. А причины-то бывают и иррациональные. **Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения...** (с. 342).

Диалектическое соотношение рационального и иррационального интерпретируется с опорой на афористическое суждение Пушкина о природе иррационального. Коллективное иррациональное обусловило *всеобщее помутнение семнадцатого года*, привело к *октябрьскому перевороту* (с. 83). В отвлечении от речевой партии героя можно констатировать: узувальные синонимы *революция*, *переворот* и их текстовой аналог *помутнение* отражают незавершенность процесса десакрализации революции, а также отсутствие в российском обществе объективного взгляда на события семнадцатого года, повернувшие ход истории.

Лингвистическая философия Водолазкина основана на триаде «человек — время — слово». Мир слов содержит знаки покоя и счастья, любви и мечты, вражды и ненависти, гонений и насилия. Слово сохраняет дух времени, обнаруживает его веяния, степень влияния на мировоззрение человека и на его судьбу. *Времена меняются, и в конечном счете остается... только слово* (с. 341), позволяющее человеку свободно, независимо осмыслить ход исторических событий.

Власть времени преодолевают межчеловеческие контакты. На шкале ценностей особо выделяется беседа — доверительный межличностный разговор. В дихотомии «мировое / общественное — личностное» маркированным оказывается концепт «личностное»: *Так вот о главном. Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо — это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа — это событие личной истории, для которой мировая — всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа — никогда* (с. 383).

Детали уклада обыденной жизни, всплывающие в сознании жизнеописателя, неразрывно связаны с воспоминаниями о разговорах с родителями в детстве. Зрительные, обонятельные, акустические ощущения, объединяясь, передают атмосферу семейной беседы: *Самовар большой, и вода в нем закипает медленно <...> Воздух — резкий, с запахами реки и сосен. <...> Беседа... движется волнами, то тише, то громче* (с. 365). Корень -мир- сопровождает интерпретацию бесед (мирных, миролюбивых, умиротворяющих), проникнутых гармонией, как, например, *тихая вечерняя беседа на кухне: Сама беседа — за исключением отдельных слов — может, и не остается в памяти. Но остаются интонации — умиротворяющие, как будто весь покой мира вошел в них этим вечером* (с. 381).

Взгляд со стороны обнаруживает неистребимость беседы даже во время террора: *1939-й, январь. Железнодорожная станция. <...> На скамейке сидят два человека, ведут неторопливую беседу* (с. 381–382).

Главным жизненным впечатлением остаются беседы с любимой девушкой: *...не было у меня дел важнее Анастасии* (с. 84); *Лежа ночью в постели, я вспоминал наши дневные беседы. Ее и свои слова, жесты. Толковал их и перетолковывал* (с. 102). Пища для ума и в особенности для сердца — *ночные беседы*, обаяние которых не смогли подавить ни лагерь, ни долгие годы заморозки: *...наши ночные*

беседы, тише которых не было в моей жизни. Чтобы никого не разбудить, мы говорили шепотом. Шепот — особенный вид общения. Я уже не говорю о ночном шепоте. Даже если говорить о вещах обычных, они начинают выглядеть совершенно по-другому. А ведь мы говорили о необычных (с. 73). В памяти Иннокентия всплывают двуреплики, выражающие общее видение влюбленными несвершившегося будущего: ...снова беседы, шепот:

— *Хочу, чтобы вы стали моей женой.*

— *И я хочу* (с. 96).

Выдерживает испытание истинных чувств формула *вы-отношения*, акцентирующая близость духовную, бережное отношение влюбленных друг к другу.

Доверительная беседа, содержащая аналитический подход к ситуации риска, выступает как философский механизм осмысления проблемы выбора: *Мой переход в вечность должен был состояться на Соловках. Из наших с Муромцевым бесед я понял, что шансов выжить после заморозки у меня нет* (с. 216).

Оказавшись волею судьбы в *чужом времени*, Платонов испытывает острую потребность в интеллектуальных беседах: *Это был Гейгер... хотелось сидеть и беседовать. Мы проговорили часов до двух ночи...* (с. 152). Беседы с рационально мыслящим человеком восполняют знания о мире, дают пищу для обобщений. Размышляя об особенностях немецкого и русского мировосприятия, Иннокентий заключает: *Гейгер — человек правила. <...> Гейгер, я уверен, понимает, что жизнь сложнее всяческих схем, а в то же время он ими дорожит. Для него это вопрос упорядоченности мира. А в русской жизни исключение — правило, только Гейгер этого не понимает. Или, вернее, не принимает* (с. 232).

Беседы помогают преодолеть одиночество, спасают от интеллектуальной и эмоциональной изоляции. Размышляя о природе доношительства как навета, герой приходит к выводу о неспособности донощика быть собеседником: *Да, он (Зарецкий) ни с кем не сходил, но какое-то общение требовалось, по-видимому, даже ему. Можно было сказать, что Зарецкий одинок, если бы это слово передавало происходящее с нашим соседом. Одинок ли в стволе древесный червь? А ведь было в нем что-то от червя. Гибкость, мягкость, способность принимать температуру окружающей среды* (с. 64–65).

Доверительная беседа сближает и раскрепощает, позволяет каждому из собеседников сохранить чувство собственного достоинства, поделиться сокровенным, вербализовать независимую мировоззренческую позицию.

Утверждение принципа самодостаточности личности проявляется в отношении героя к абсолютным истинам, правилам, установкам, воззваниям, передаваемым формульными высказываниями — *фразами*.

В размороженном сознании Платонова постепенно активизируются устойчивые суждения — не прикрепленные или, напротив, прикрепленные к определенному отрезку времени: *Понедельник — день тяжелый... Еще одна фраза из моей бедной головы* (с. 26); *Что ж, в России всё возможно. В России... Распространенная, должно быть, фраза, если сохранилась даже в моей разрушенной памяти* (с. 22). Ср.: *Не было новых вещей — все ходили в старом. Был даже в этом*

какой-то шик — **трудное время** — ...любимая **фраза** той поры (с. 199); Вот сейчас, я заметил, в России полюбили фразу об отсутствии в истории сослагательного наклонения (с. 226).

Сомнению подвергается истинность упрощенных хронотопических вербальных формул: ...в мое время любили фразу о мире народам и земле крестьянам. И что? Вместо мира получили гражданскую войну, вместо земли — продразверстка, а потом колхозы (с. 236). Человек «внутренний» аналитически воспринимает догматические революционные установки, тиражируемые эффектными фразами. Слепое подчинение идеологическим догмам приводит к деперсонализации, расчеловечиванию и гибели, о чем свидетельствует судьба Севы (С.) — кузена Иннокентия (И.):

С. — Революции, по Марксу, — это локомотивы истории. <...>

И. — А если, — спрашиваю, — локомотив куда-нибудь не туда пойдет? Не ты ведь им управляешь. <...>

С. — Партия, говорит, — это сила. Нас знаешь сколько? Все не могут ошибаться. <...>

Сева, где ты сейчас, в какой могиле? (с. 159–160).

Споры с Гейгером, верящим в общественные идеалы, которые отражены у него в разного рода высказываниях (с. 236), приводят Платонова к выводу: Чего он (Гейгер), кажется, не понимает, так это того, что действительность устает от воззваний и начинает из них испаряться. Остаются лишь **фразы**, которые используются совсем не так, как ожидалось (с. 236).

Отстаивая право на личностную оценку содержания *расхожих фраз*, Иннокентий признает истинность отдельных обобщенных суждений: Вот говорят, женщину можно узнать только в браке. Пусть это очередная **фраза**, расхожая **фраза**, но значит ли это, что она неверна? (с. 253)

В «личном языке» остаются полученные в детстве руководящие установки (например: *Иди бестрепетно*, с. 27, 29), профессионально специфические высказывания, выступающие как знаки-идентификаторы: А сегодня в моем бедном мозгу всплыла такая **фраза**: «Вы не завершили построение формы: рано переходить к свето-теневой моделировке». Значит, я всё-таки был художником? (с. 48)

Не подвергаются сомнению вечные истины, закрепленные в Священном Писании. В тексте романа неоднократно используются библеизмы. Они утверждают вневременной характер нравственных основ человеческого существования. Именно Библия содержит важные для самосознания вообще и биографии героя в частности толкования категорий справедливости и милосердия, греха и покаяния, преступления и наказания.

Преодолевая упрощенные представления о мире, движении времени, влиянии последнего на личность, Платонов стремится сформулировать аргументированные обобщенные суждения, которые являются результатом спорных диалогов с «самим собой» и с «другими»: Главное — не переоценивать событий как таковых. <...> Это ведь не душа, которая определяет личность и при жизни неотделима от тела. В событиях нет неотделимости. Они не составляют часть

человека — наоборот, человек становится их частью. Он в них попадает, как попадают под поезд, а там уж посмотрим, что от тебя останется (с. 380). Особо выделяются я-суждения, отстаивающие право на личностное осмысление исторических катаклизмов: *А ведь я и вправду мыслю неисторически. Исторический взгляд делает всех заложниками великих исторических событий. Я вижу дело иначе: ровно наоборот. Великие события растут в каждой отдельной личности: в особенности — великие потрясения* (с. 93).

В я-высказываниях совмещаются точка зрения героя и концептуальная точка зрения автора романа: *Страна — не моя мера, и даже народ — не моя. Хотел сказать: человек — вот мера, но это звучит как фраза. Хотя... разве фразы не бывают истинными — особенно если они результат жизненного опыта?* (с. 78). Опыт этот неразрывно связан с языковым существованием.

Содержательное наполнение афористических высказываний поддерживает человекоцентричность лингвистической философии Евгения Водолазкина.

Обозначенные автором сдвиги в языковой картине мира, которые являются следствием *помутнения семнадцатого года*, — ключ к пониманию уроков русской революции. Лингвоаксиологический опыт носителей общенародного языка и национальной культуры позволит нашим современникам активизировать *замороженные* под влиянием демагогической идеологии *клетки мозга*, осмыслить глубинные причины *октябрьского переворота*, вернуть человеку способность сомневаться, мыслить, осуществлять самостоятельный ценностный выбор.

Источники

Водолазкин Е. Г. Авиатор : роман. М. : Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016.

Скляревская — Толковый словарь русского языка XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М. : Эксмо, 2006.

ТСУ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М. : Советская энциклопедия, 1936. Т. 1.

Исследования

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Сварог и К, 1997. С. 245–412.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Гаспаров М. Л. Записки и выписки. М. : Новое литературное обозрение, 2000.

Гиренок Ф. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М. : Академический проект, 2014.

Лихачев Д. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М. : Советская Россия, 1984.

Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов / сост. В. К. Кальпиди, Д. В. Кузьмин, М. В. Волкова. Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2016.

Солженицын А. Архипелаг Гулаг 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 2. М. : Советский писатель, 1989.

Тема с писателем Евгением Водолазкиным / В. Выжутович // Российская газета. 06.12.2016. С. 9.

Юзефович Г. «Авиатор» Евгения Водолазкина и еще пять книг о человеке и времени [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina> (дата обращения: 18.05.2017).

Поступила в редакцию 28.05.2017

Принята к печати 06.06.2017

Купина Наталия Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Kupina, Natalia Aleksandrovna

PhD (Philology), Professor
Chair of the Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: natalia_kupina@mail.ru

**THE LINGUISTIC PHILOSOPHY OF EVGENY VODOLAZKIN:
THE AVIATOR NOVEL**

The article analyses the text of Evgeny Vodolazkin's novel *The Aviator* (2016). The focus of the writer defending "the principle of personality" is the inner world of a man in the context of time. The author aims to interpret the linguistic philosophy of the author of the novel. The approaches of linguo-axiological analysis used in the work make it possible to formulate certain conclusions. It is established that the *word*, *conversation*, and *phrase* are instruments of philosophical interpretation of the key problem of the personality correlation, as well as of biographical and historical time. The word, according to the writer, operates as an axiologically marked sign of time, reveals some influence of time on the person, allows for the development of a personal lexicon and on its basis for the assessment not only of the events of their own life, but also historical and revolutionary events. The author characterises the signs of poetics of dialogue, which comes to the surface in the philosophical understanding of the phenomenon of an intimate conversation, allowing each of the partners to verbalise an independent worldview position. The statement of the idea of self-sufficiency of personality is shown in the analytical relation to the absolute truth conveyed by conventional informal expressions in the form of phrases. The novel demonstrates the harmful influence of revolutionary ideological dogmas on the person. The eternal truth reflected in the Scripture is unshakable. The aphorisms based on the axiological experience of the bearer of national culture support the personality-oriented character of the linguistic philosophy of Evgeny Vodolazkin.

Key words: axiological marking; conversation; time; fiction; linguistic philosophy; personality; poetics of dialogue; word; phrase.

Acknowledgements

This work is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* (project 15-04-00239/17 — Humanities and Social Sciences "National Basic Values and Their Reflection in the Communicative Space of a Provincial City: Traditions and Dynamics").

Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)

Berdyayev, N. A. (1997). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and Meaning of Russian Communism]. In N. A. Berdyayev, *Filosofia svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Philosophy of Freedom. The Origins and Meaning of Russian Communism] (pp. 245–412). Moscow: Svarog i K. (In Russian)

Gasparov, M. L. (2000). *Zapiski i vypiski* [Notes and Excerpts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Girenok, F. (2014). *Metafizika pata (kosnoiazychie ustalogo cheloveka)* [Metaphysics of the Stalemate. The Tongue-tie of a Tired Man]. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russian)

Kalpidi, V. K., Kuzmin, D. V., & Volkova, M. V. (Comp.). (2016). *Russkaia poeticheskaia rech' – 2016. Antologiya anonimnykh tekstov* [Russian Poetic Speech – 2016. The Anthology of Anonymous Texts]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Mariny Volkovoi. (In Russian)

Likhachev, D. (1984). *Zametki o russkom* [Notes on Russian]. (2nd ed.). Moscow: Sovetskaia Rossiia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. (1989). *Arkhipelag Gulag 1918–1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniia* [The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation] (Vol. 2). Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Vepreva, I. T. (2002). *Iazykovaia refleksia v postsovetsskuiu epokhu* [Linguistic Reflection in the Post-Soviet Era]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Vyzhutovich, V. (2016, December 06). Tema s pisatelem Evgeniem Vodolazkinym [The Topic with Writer Evgeny Vodolazkin]. *Rossiiskaia gazeta*, p. 9. (In Russian)

Yuzefovich, G. (2016). “Aviator” Evgeniia Vodolazkina i eshche piat' knig o cheloveke i vremeni [The Aviator by Evgeny Vodolazkin and Five More Books about Man and Time]. Retrieved from <https://medusa.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina>. (In Russian)

Submitted on 28 May, 2017

Accepted on 06 June, 2017